

1

Вот как вы представляете себе свою жизнь? Наверняка это график, в котором сплошные скачки: взлёты и падения. А когда я себе представляю свою, то вижу дорогу, по которой медленно катишься вниз. Карабкаешься, пытаешься цепляться за сухие ветки, но непременно падаешь в пропасть. И с каждым годом всё хуже и хуже.

Вспоминаю своё детство. Легкое, беззаботное. И даже вечные ссоры родителей не могли отнять ощущения счастья, которое дарили весёлые забеги наперегонки с соседскими ребятами, полёты на скрипучих качелях во дворе старой хрущёвки и стакан тёплого молока, поданный в садике на полдник. Позже следовала насыщенная событиями, бесшабашная юность, взросление, приносящее одни разочарования, и вот уж скоро тридцатилетие... Та-дам! Это похоронный марш моей молодости, приговор. Вот сижу и думаю: «Ну как же так получилось? Ведь всё же было в моих руках». А когда говорят, что многое ещё можно исправить, становится тошно.

В школе я была девочкой активной, училась хорошо, порой даже отлично. Мальчишки вокруг меня так и вились, ни дня я не была одинокой. Рядом всегда были подруги, с ними я была неразлучна с первого класса. И всё шло как надо. Самые лучшие платья, самые красивые причёски, первые места на олимпиадах, лучшие парни — всё доставалось мне. Я кружилась в этом вихре улыбок и рукопожатий, не задумываясь о завтрашнем дне, пока не прозвенел звонок. Последний школьный. Всё, что происходило дальше, отрезвляло или больно било по лицу.

Кто-то из ребят хотел быть доктором, кто-то твёрдо знал, что будет инженером-строителем, бухгалтером, журналистом, единицы подались в бизнес. А я, так и не приходя в сознание, поступила на экономический факультет. Зачем? Так, за компанию.

Финансовый менеджер. А как звучит-то красиво!

Бред. Полнейшая чушь, особенно для того, кто еле ладил с математикой в школе и обожал русский язык.

В университете друзей у меня стало ещё больше. Днём я спала на парах, вечера и ночи проводила в полузабытьи, отрываясь в клубах. Мужчин вокруг меня меньше не становилось, но сбегали они от меня быстрее, чем прежде. Всё из-за моего непреодолимого желания сосредотачиваться на одном человеке, пока он не задохнётся от вездесущего внимания. Тогда я винила во всём книги, ведь в каждой из них описывалась любовь людей, которые дышат друг другом. И я искала такую. Мне хотелось круглые сутки быть рядом с любимым, чтобы он смотрел в мои глаза, вождедел, носил на руках, задаривал подарками. Но туман напрасных надежд неумолимо рассеивался с каждым годом. Мужчины уходили, оставляя меня растоптанной и одинокой.

Поработав пару лет экономистом, я заработала нервный тик и частые мигрени. Всё меньше мне хотелось отвечать на пресловутый вопрос «Как дела?», так как работа не приносила мне ни удовлетворения, ни выдающихся доходов. Только скука и разочарование. Вечерами я занималась самоедством и поисками новой работы. Нашла. Поработала год и поняла, что насилюю себя. Прошла тест на профориентацию, тот выдал мне список профессий, которые бы мне подошли. Чтоб мне провалиться, если это не экономист, только названный по-другому! Казалось, что это замкнутый круг.

Уволилась в никуда. Сидела полгода дома, изучала разные сайты, пытаюсь понять, что в этой жизни умею делать лучше других. Поняла. Ничего.

В то время как мои одноклассники и однокурсники развивались в том направлении, в котором были одарены, я умела всё понемногу, не лучше других, но к чему-то конкретному не тянулась. Как же больно было в первый раз в жизни осознавать себя неудачницей, ощущать

страх и неуверенность заняться чем-то новым! Так я потихоньку закрывалась от людей. Чтобы не видели, не спрашивали, как живу, не ставили в неловкое положение. Хвастаться-то мне было нечем.

Тогда мне было уже двадцать шесть и ни годом меньше. Чёрт меня дёрнул сходить на встречу с одноклассниками! Этот день стал днём моего безудержного самобичевания. Меня словно в ледяной душ окунули. Дорогие шубы, кольца, дурманящий запах духов, исходивший от моих бывших подруг, вернули меня в реальность, где я была никем. Они наперебой хвастались своими мужьями, домами, детьми и покупками, рассказывали о поездках в сказочные страны, совали мне под нос глянцевого фотографии с курортов. Я задавала им десятки новых и новых вопросов, опасаясь того, что их внимание переключится на меня, и девчонки с новой силой принимались пересказывать мне истории своего успеха. Большинство наших парней оказались уже богатыми и женатыми, что не мешало им подмигивать, чокаясь со мной шампанским.

А я... Я словно застыла, как серая мышь на чужом празднике жизни. Мне хотелось, чтобы унижение быстрее закончилось — схватив старое пальто, я бесшумно выскочила за дверь и выбежала на улицу.

Возле школы были рядом припаркованы новенькие внедорожники и седаны. Пушистые снежинки, тихо падая, покрывали их белоснежным одеялом.

По моей щеке покатила слеза.

И когда же мир успел так измениться? Вроде только вчера мы все были равны, только вчера ничто не мешало нашей дружбе. А сегодня между нами целая пропасть.

Я не должна была сбегать, но что мне сказать этим хорошо одетым людям в дорогих костюмах?

— Да, да всё плохо. Живу в съёмной квартире, ни ребят, ни котят. Мужчины самого завшивелого и того нет. Работа? Ах, работа. Не люблю я свою работу, прямо-таки ненавижу, потому и избавилась от неё. А новую не нашла, нет. Ищу? А, да, ищу. Не могу найти. Да, я бедняжка.

А что мне оставалось делать? Хорошую мину при плохой игре?! Или врать напропалую? Ну уж нет, лучше спря-

чусь от неприятностей. И я побрела до метро. С того дня дала себе слово не появляться на подобных мероприятиях впредь.

Ещё через месяц, пытаюсь изменить свою жизнь, я записалась на курсы кадровиков. Закончив их, устроилась в небольшую строительную фирму недалеко от дома. Стабильная зарплата (правда, не выше той, что была раньше), отдельный кабинет, да и добираться не так далеко, как прежде. Отличный способ закрыться в собственном мирке. Сказать, что я полюбила свою новую должность — значит сказать чушь. Ведь от работы экономиста она отличалась мало: те же бумажки, программы, таблицы, сроки и графики — скукота собачья. Только больше общения с людьми, да и то каждый сотрудник в офисе мнит себя твоим непосредственным начальником. Короче, я попала в то же болото и не знала, как выбраться из него, и вроде самое время действовать, да некогда — в моей жизни появился Миша.

Миша... Желание завести семью и стать «нормальным» (по представлению общества) человеком заставило меня согласиться на свидание с ним. Тогда я как раз устроилась менеджером по кадрам в «СтройТех», а первым моим заданием на этом посту было оформить увольнение молодого электрика, который втыкал бычки от сигарет в оконную раму старинного особняка, где шла реставрация. Из-за этих бычков чуть не случился пожар на объекте, директора трясло как в лихорадке, казалось, вот-вот случится инфаркт. У парня был не первый выговор. Мне пришлось напечатать приказ об увольнении, сделать соответствующую запись в трудовую книжку и оформить всё как полагается. Хорошо помню тот день, когда Миша сидел передо мной, смотрел прямо в глаза и улыбался лишь уголками губ, а Фёдор Борисович ходил вокруг него, гневно размахивая руками, и что-то орал. У него аж пена шла изо рта, а я готова была вжаться в стул.

Миша просто сидел и смотрел на меня своими карими глазами. Казалось, он ничего не слышит, только наблюдает за мной. Он был одет в спецовку с названием фирмы, ворот его куртки был поднят. Выглядел молодой электрик довольно нагло, да и расслабленная поза,

в которой он восседал, явно не говорила об уважении к начальству. Мне показалось, что такой мужчина может защитить и за ним как за каменной стеной. Он медленно провёл рукой по своим светлым волосам, так же, не отрывая от меня глаз, расписался в документах, встал, взял трудовую книжку, ответил что-то дерзкое Борисычу и вышел. Борисыч онемел.

Вечером Миша дождался, когда я выйду из офиса, и встал на моём пути: высокий, роскошно пахнущий и прилично одетый. И уже через пять минут он провожал меня домой, мы шли по улицам города, смеялись. Он мне рассказывал, что к чему в компании, куда я устроилась кадровиком. В тот день мне показалось, что я в него влюбилась. И мы начали встречаться.

Миша жил у родителей, но частенько оставался ночевать у меня. Зарабатывал он больше, чем я, хотя не работал постоянно, а просто время от времени калымил. Есть такое слово, прикиньте.

На меня он тратился мало, все деньги уходили на друзей. Первый год мы привыкали друг к другу, он мне нужен был как воздух, а я ему — только когда он нагуляется. Помню, ждала его допоздна, Миша приходил, кушал, мы занимались бурным сексом, потом засыпали. Потом он всё больше времени стал проводить у меня (видимо, моё нытьё сказалося) и всё реже встречался с друзьями. Я была довольна, ведь и остатки моих друзей он выдворил из нашей жизни своим приходом.

Ещё через полгода Миша переехал ко мне, и наша жизнь стала напоминать семейную. Он всё меньше работал и всё больше привязывался к дивану, а я стала ночами смотреть телевизор, чтобы не заниматься с ним сексом. Смотрела внимательно, сидя на краешке дивана, чтобы у него не возникло даже мимолётного желания протянуть ко мне руки. А когда он засыпал, я подходила к окну и думала. Думала о том, что всё как-то не так. И что не хочу его в сексуальном плане, он больше меня не возбуждает. Нам есть о чём поговорить, нам совершенно не скучно вместе, но я его не хочу. И жизни такой не хочу! Ведь всё ещё помню те книги, где любовь, как в сказке, где есть мужчины, которые тебя боготво-

 рят. За то, что ты просто женщина, ты несёшь мир, любовь и даёшь жизнь. Я мечтала о том, чтобы собрать чемоданы и убежать, уехать в другой город или страну, но утром он меня крепко обнимал, целовал, и я не находила в себе сил так поступить.

 И вот теперь я одна. Сiju в квартире. Радуюсь, что он наконец ушёл. И мне даже обидно, что он ушёл так просто, без боя, без выяснения отношений. Значит, не любил, не дорожил, не боялся потерять. Так вроде сама это и хотела? Хотела. И мне хорошо.

 Сiju одна, смотрю в окно и никуда не хочется выходить. Одиночество — прекрасный повод почувствовать себя свободным и молодым, это всего лишь передышка. Не нужно планировать свой день, исходя из пожеланий кого-то ещё, в любое время можно собраться и куда-нибудь поехать или остаться дома и смотреть телевизор, разбрасывать вещи, петь песни. Не нужно быть счастливой каждый день и кому-то натянуто улыбаться, не нужно готовить по три раза в день, можно пить «Маргариту» и пренебрегать физкультурой. Это всё, чего я так долго хотела. Хотя в нынешнем положении я уже ничего не хочу и ни к чему не стремлюсь. И, по-моему, у меня апатия ко всему. Даже появление нового ухажера, Егора, уже особо не вдохновляет.

Раздался настойчивый звонок в дверь.

 Конечно... Как я могла забыть, что живу в сумасшедшем доме! Придётся открывать. Я нехотя встала.

 Люди меня любят. Это я не люблю людей. Скорее даже не слишком нуждаюсь в общении. Но ведь им этого не объяснишь. Как только пытаешься намекнуть человеку, что ты интроверт, он сразу думает, что ты его выгоняешь или посылаешь подальше. Может быть, это жизнь меня такой сделала? Ведь раньше я нормально, почти круглосуточно со всеми общалась, а теперь нуждаюсь в тишине, одиночестве, в отдыхе подальше ото всех.

 Я спокойный, вдумчивый, уравновешенный человек. У меня просто такой подход к жизни. Да, в большой компании я могу искромётно шутить, говорить без умолку, танцевать, но свою энергию черпаю внутри, наедине с самой собой.

Что-нибудь поняли?

Вот, и никто не понимает. И в этом доме никто не может примириться с моими особенностями, все донимают меня своим общением, навязываются, пристают. И похоже, что с уходом Миши ситуация только усугубится.

Я не спеша оторвала с кофты пару катышков, надела тапочки и открыла дверь.

2

Я ведь уже успела сообщить, что живу в сумасшедшем доме? Так вот. Объясняя, почему именно там.

Вообще-то это обычная девятиэтажка, ничем не примечательная с виду. Вечно ломающийся лифт, в котором подростки периодически справляют нужду, обшарпанные стены, окурки на подоконниках — имеется всё. Все прелести городской застройки экономкласса для жителей соответствующего уровня доходов.

После серьёзного конфликта с отцом мой брат Сеня предложил мне переехать в съёмную квартиру, которую освободили прежние жильцы, его соседи по подъезду. Свой двадцать пятый день рождения я справила в новой обстановке, состоящей из просторной комнаты, старого покосившегося шкафа и двух стульев. На кухне моей чудесной квартиры не было даже гарнитура, в углу лишь стояла одинокая железная раковина советских времен с облупившейся эмалью. Старые окна были щедро облеплены десятью слоями пожелтевшей бумаги, которая жалобно колыхалась от февральского ветра, врывающегося в комнату сквозь толстенные щели между рамами. За это благополучие я предусмотрительно заплатила на год вперёд по совету того же любимого брата, так что деваться мне было некуда.

В этот же вечер брат притащил ко мне знакомиться половину подъезда. Эта разношёрстная компания весь вечер угощала меня шампанским, они же помогли мне прибраться, откуда-то притащили тот самый диван, который потом три года продавливал Миша, стол-книжку и голубые расшитые занавески. Так я и попала в дурдом.

Следующий год моя жизнь протекала как в сериале «Друзья». Только мне не было так же весело. С утра добрые

соседи могли вломиться, чтобы попить со мной кофе, вечером — чтобы угоститься ужином, ночью — чтобы пожелать добрых снов. Они дружно в меня влюбились и ходили поклоняться мне каждый день, пока не появился Миша и не разогнал их поганой метлой. Звучит грубовато, но мой мужчина тоже паинькой не был. После его появления в моей жизни соседи ломались только тогда, когда знали, что он точно будет отсутствовать. И за пять минут до Мишиного возвращения они спешили меня покинуть: никому не нравилось улыбаться, слыша в ответ его бурчание.

Так вот, соседи... Что же о них рассказать?

Они, безусловно, одна большая семья. Каста. Двери квартир в нашем подъезде не закрываются, чтобы каждый желающий мог, когда ему наскучит сидеть дома, толкнуть плечом дверь соседа и вломиться без спросу. И, как это ни странно, ему будут рады. Мне повезло меньше всех — я поселилась на первом этаже. Почему это так плохо? Потому что почти каждый сосед, спускающийся со своего пятого, седьмого, десятого этажа по пять раз в день, считает своим долгом сунуть нос в моё жилище. К концу первого месяца проживания я поняла, что живу на проходном дворе.

Но обо всём по порядку.

Так сказать, о главных действующих лицах. В соседней со мной квартире живёт Катя. Ей двадцать восемь, она работает в книжном магазине. Каждый день, около двенадцати, я спускаюсь к ней из своего офиса, мы обедаем, пьем чай, болтаем или просто молчим за чтением книг.

Она бы устроилась библиотекарем, но продавцу больше платят, и главное, рядом книги. «Мои богатства», — как говорит Катя, делая обход каждый час. Переставляет их с полки на полку, меняет местами Бродского с Маяковским, Радзинского с Сенкевичем, колдует и творит. Никогда не советует брать красочные и дорогие «книги-пустышки», даже в убыток себе, и всегда знает, кому предложить книгу, способную поделить его жизнь на «до и после». У Кати для каждого существует свой особый экземпляр, после прочтения которого человек не сможет быть прежним. Люди возвращаются, чтобы поблагодарить её, и снова просят совета в выборе.

Я долго броджу вдоль полок с книгами, выбираю что-нибудь стоящее среди романов, в итоге всё равно хва-

таю очередной детектив — они не так ранят одинокое женское сердце. Я ж не мазохист. А возле Кати, на столе, к моему приходу всегда лежит очередная толстенная кулинарная книга, из которой она что-то выписывает, потом делает заметки в блокноте, составляет списки продуктов для приготовления нескучного ужина. Готовится человек к семейной жизни, набивает руку.

Катя — девушка неплохая, но в последнее время слегка заикленная на поисках спутника жизни. Именно она сначала познакомилась со всеми соседями по подъезду, а потом перезнакомила их друг с другом. Роковая ошибка. Нет, ей, безусловно, хорошо. Теперь все жильцы как тараканы могут стекаться ко мне в квартиру! И покидают её, когда им заблагорассудится. Они хорошие люди, не спорю. Но, чёрт возьми, я не успеваю от них отдыхать.

В Кате метр семьдесят роста и семьдесят пять килограммов веса, девочка она не столько полная, сколько крепкая, плотненькая и упитанная. Фигура шикарная, всё при ней. Если в ней и есть недостатки, то она их не замечает, потому и мужчины вокруг их тоже в упор не видят.

Лицо у Катьки на зависть красивое: правильные черты лица, яркие большие глаза и сочные губы, а ещё волосы — длинные, чёрные и всегда стянутые в высокий аккуратный хвост. Она одинока, поэтому может себе позволить тратить все деньги на дизайнерские шмотки, СПА-салоны, мягкие ковры или дорогую бытовую технику. Но предпочитает этого не делать, потому что у нее есть ритуал: раз в неделю посещать дорогой ресторан, пробовать новые блюда, хорошее вино и сыр с плесенью. Там она черпает энергию и вдохновляется для будущих кулинарных экспериментов.

Катя определенно хорошая хозяйка, добрый друг и интересный собеседник. Именно к ней все соседи собираются на вечеринки по большим праздникам. Но только, пожалуй, я знаю, что все эти мероприятия затеваются для того, чтобы Катя могла в сотый раз попытаться очаровать красавца-соседа, живущего на нашей площадке. Его зовут Арсений. И он мой старший брат.

Арсению тридцать семь и Катерину он в упор не замечает. Может быть, потому что Сенька вконец измотан делами, проблемами с бывшей женой и воспитанием их

 общей дочери Ксюши. Он много трудится, чтобы обеспечить дочь всем необходимым, пытаясь при этом уделить ей достаточно времени.

 Ему был всего двадцать один год, когда он повстречал Ольгу, мать Ксении. Роковая красотка: высокая блондинка с томным взглядом и дерзким характером. Она любила роскошь, без стеснения требовала дорогих подарков и отдыха в жарких странах. Сеня влюбился без памяти, ухаживал, ходил за ней по пятам, а Оля смеялась, дразнила, гуляла с другими мужчинами, наблюдая за его реакцией. Брат не ревновал, воспринимая всё это как вызов, считал, что так она подталкивает его к серьёзным отношениям и ответственности.

 Он работал в две смены, чтобы баловать её новыми нарядами. Думается, что потом эти новые наряды слетали с Олиных плеч на пол во время жарких свиданий с другими мужчинами. О её похождениях не болтал только ленивый. Но Сеня упрямо никому не верил.

 Ей нравилось держать его в постоянном напряжении, дёргать за ниточки, наблюдать. Нравилось то слепое обожание, с которым Арсений потакал всем её капризам. Она всё ждала, когда сможет найти подходящий вариант, чтобы срулить и жить обеспеченно. Но спонсоры не спешили брать её под своё крыло.

 А когда Ольга забеременела и родители настояли на свадьбе, весь её гнев за то, что лёгкая жизнь, полная флирта, окончилась, обрушился на моего брата. Она постоянно была недовольна, кричала, била посуду, требовала внимания и денег.

 Когда родилась Ксюша, всё стало только хуже: брат сам гулял с ней, купал, сам вставал ночами, сам водил в детский сад, стирал, варил супы и каши. Ольга училась, вела бурную студенческую жизнь, мало появлялась дома — ребёнок стал для неё обузой, а мужа она и вовсе не замечала.

 Когда дочери исполнилось пять, они уже практически не общались, находясь в одной квартире, могли не встречаться неделями, а ещё через год развелись. Суд определил, что с согласия матери дочь останется жить с отцом. Это был первый раз, когда я видела Олю счастливой — она наконец паковала чемоданы, предвкушая, как изба-

вится от ненавистной обузы. Паковала и напевала себе под нос. На прощание она выдала тираду о том, что муж и дочь всегда мешали ей жить, развиваться, делать карьеру, дышать полной грудью. Потом в один прекрасный день в отсутствие бывшего мужа вывезла всю мебель и технику. Брат пожал плечами, сменил замки и продолжил жить дальше. За время, проведённое в браке, он перестал доверять людям и привык к состоянию постоянного стресса, серьёзных отношений больше не заводил, даже не пытался, и с женщиной никто его последние лет пять не видел.

Когда я переехала поближе к брату, старалась помочь ему во всём: готовила ужины, помогала Ксюше делать уроки, читала ей книги вслух, водила гулять, одевала, старалась никого из них не обделить вниманием. Но всё же заменить племяннице маму я бы не смогла, да и общается она со мной скорее как с подругой. Сейчас ей пятнадцать — самый трудный возраст, когда подростка нужно контролировать во всём, больше общаться, а её мамаша только и знает, что доводить семью бывшего мужа своими нападками.

Про наш этаж у меня всё.

А надо мной живёт мужик лет пятидесяти, пропитый насквозь алкоголик. У него длинные рыжие волосы и противный зычный голос. Грудь его вечно обвешана какими-то цепями, а на волосах мирно уютятся хлебные крошки. Его зовут Герман Петрович, но за глаза мы называем его Домовой. Уж больно похож.

Раз в месяц он собирается помыться и постираться. Я узнаю об этом, когда у меня с потолка начинает капать, а потом и струиться вода, оставляя за собой жёлтые разводы на стенах. Тогда я обычно поднимаюсь на его этаж, минут пятнадцать извожу своим стуком. Потом придётся отчаянно пинать ногой в дверь и орать. Он неизменно предстаёт передо мной, обёрнутый полотенцем.

Далее мы отчаянно ругаемся, пытаюсь перекричать друг друга, на крики сбегаются соседи и разносят нас. Всем жаль Домового, ведь он ужасно одинок. У него даже собутыльников не бывает. Место работы и род деятельности Германа Петровича никто не знает, так же как и его возраст.

 Кто-то из жильцов приносит ему водочки, потом помогают прибрать последствия потопа. Брат тащит меня домой, уговаривает не ругаться. Я соглашаюсь. До следующего инцидента.

 Ещё мы с Катей любим ходить в гости к ребятам на восьмой этаж. Их зовут Кирилл и Даниил, они юристы и геи. У них в квартире всегда уютно, чисто и пахнет ароматическими свечами. В день знакомства, когда мне сообщили, что они являются парой, я старалась не выказывать своё удивление, лишь изредка поглядывала на них, но перед глазами тут же возникала яркая картинка, в которой я представляла, как же они занимаются сексом друг с другом. Она и сейчас у меня частенько возникает, не могу выбросить это из головы, стоит им только посмотреть друг на друга или ласково соприкоснуться плечами. Я отвожу взгляд и заставляю себя думать, что они только спят в обнимку. Как будто, если не думать о том, что они делают друг с другом наедине, мир останется таким же ванильно-розовым и невинным.

 Дружить с геями можно и, наверное, даже нужно. Их, скажем так, «индивидуальные особенности» не влияют на их человеческие качества, они тонко чувствуют, понимают ранимую женскую душу, делают комплименты. Но, пожалуй, я бы предпочла, чтобы они не выпячивали свою ориентацию при детях и подростках. И вообще при всех, чья психика ещё не устоялась. В этом вопросе я немножко консервативна.

 Самое главное — не думать о них как о мужчинах или, не дай бог, влюбиться. Потому что мужчина, предпочитающий мужчин, никогда не вернётся в строй гетеросексуалов. Или, как говорит Катька: «Если женщина хочет мужчин и женщин — она бисексуалка, а если мужчина хочет мужчину — он гей, как бы ни противился своей природе. Мужчин-бисексуалов не бывает». Пожалуй, я с ней соглашусь.

 А на шестом этаже живёт Наташка, она воспитательница в детском саду. Наташка спит с Игорем с седьмого этажа, а у Игоря жена и дети. Зато он ездит на хорошем внедорожнике одной немецкой фирмы и одевается в бутиках, на витринах которых красуются красивые итальян-

ские фамилии. Так что его на всех хватает, этого Игоря. Но мне не надо, спасибо.

А на втором этаже живёт Олег, молодой, подающий надежды писатель, по чьим сценариям уже сняли два фильма, который любит Наташку, ту, которая спит с Игорем, ту, которая его не замечает, в доме, который построил Джек. Короче, можно рассказывать бесконечно, но у нас тут, знаете ли, полнейший дурдом местного масштаба. В нашем подъезде, как и в любом другом, есть свои старушки — божьи одуванчики, есть свои одиночки, о которых никто не знает ничего, даже когда они успели переехать, свои драчуны и пьяницы, инженеры-очкарики, мамыши с выводками детишек и прочие типичные обитатели девятиэтажек. А ещё здесь живу я, Саша.

— Ну что ты долбишься, как дятел?! — возмутилась я, открыв дверь.

— А не надо было закрываться! — буркнула Катька, пихнула меня плечом и прошла в комнату.

3

— Его не было всю ночь! — сообщила она и села на край дивана.

Я взглянула на часы. Было начало двенадцатого. Катя угрюмо уставилась в окно.

— Кого?

— Твоего брата, — хриплым голосом доложила она. По выражению её лица стало ясно, что никто и ничто пока не может вытеснить Сеню из её сердца.

Такое и раньше бывало, — я всё ещё была погружена в свои мысли. Мне уже начинала надоедать нерешительность подруги. Она не давала ему намёков на то, что он ей нравится, не предлагала отношений, даже не просила меня выяснить, как он относится к ней. — Остался у какой-нибудь девицы. А где Ксюша?

Катя встала, обошла диван и открыла окно. На столе возле окна лежали книги, мои рабочие папки и стакан с ручками. Проведя пальцем по книжному переплёту, она обернулась ко мне:

 — Твоя племянница дома, только что встала. Она не знает, где её отец, он не предупреждал, что останется ночевать вне дома.

— Непохоже на него.

 У меня защемило сердце. Арсений не оставлял дочь одну без предупреждения надолго. За подростками трудно уследить, каждый новый день для них — повод для бунта. В воспитании важную роль играет твёрдая мужская рука, вовремя сказанное веское слово, а также собственный пример. Пример хорошего отца, который не гуляет ночами где попало.

 Я выглянула в окно, чтобы посмотреть на стоянку, находившуюся во дворе. Его автомобиля там не было.

 «Не надо сходить с ума, — убедила я сама себя, — брат сейчас вернется. Наверняка решил немного отвлечься и пошёл выпить рюмашку коньяка с друзьями. Возможно, всё затянулось и вышло за рамки. Спит теперь у товарища, не ведая, что уже полдень».

Но подсознательно я почувствовала, что это не так. Взяв свой сотовый, набрала его номер. После небольшой паузы мне ответили.

 — Да, — это был ленивый сонный голос племянницы.

— Ксень, папа вернулся?

 — Нет, — в трубке слышались звуки телевизора, — он оставил трубку дома. Если б я знала, что он не придёт, не торопилась бы возвращаться домой вчера так рано.

Голос её был скорее безразличный, чем недовольный.

 — Хорошо, перезвоню позже, — ответила я и украдкой взглянула на часы. Половина двенадцатого. Про себя я молила Бога, чтобы Сеня просто вышел куда-то с утра, в магазин или на работу.

 — Он уехал вечером на машине, — Катя встала и направилась на кухню.

К беспокойству примешивалась ревность, всегда опасный коктейль из чувств.

 Щёлкнул выключатель электрического чайника, загремели кружки на полке, по столу разлетелись ложки, несколько упали на пол. Её нервы начинали сдавать.

Услышав шум подъезжающей машины, я подалась вперед, но это был автомобиль соседа.

